

[Е.П.Яковлева](#)

“Общий друг” художников и поэтов. А. В. Руманов.

Одним «из самых блистательных людей когда-то блистательного Санкт-Петербурга» [1] называли современники Аркадия Вениаминовича Руманова (1878-1960) – юриста, журналиста, мецената, коллекционера художественных произведений. Его долгая и непростая жизнь поделилась на две половины. Первая прошла в России, вторая – в эмиграции. Было все: утраты и обретения, бедность и богатство, слава и забвение. Неизменным оставалось лишь доброе сердце Руманова и его участливое отношение к людям. Помогая, он всегда оставался в тени. В этом заключалась его жизненная позиция.

Прирожденный журналист, черпавший информацию из самых осведомленных источников, Руманов всей душой отдавался любимому делу. И хотя сам писал мало, среди тех, с кем доводилось работать, неизменно завоевывал «прочные симпатии» как человек, обладавший «исключительным журналистским чутьем и талантом» [2]. Современники отмечали его редкостное умение без всякого тщеславия «“поднять” новое ответственное дело» и присущий ему незаменяемый для журналиста дар «быть “на ты” с самыми разными людьми и соединять самых разных людей, и в каждом – находить его “лучшее”» [3]. «Вечно чарующий и ободряющий» [4] Руманов, по словам писателя А.М. Ремизова, «без всяких безобразий мог человека прославить и вывести на дорогу» [5].

Румановский «шарм тонкой, культурной и благородной личности» [6] испытали многие. Вот как характеризовал своего товарища художественный критик С.К. Маковский: «Заговоришь с Румановым с кем угодно из писателей – непременно улыбнется. Чуть снисходительно, быть может, но, конечно, – не злонасмешливо. Уж очень Аркадий Веньяминович – общий друг, ко всем благожелателен, умно и ласково отзывчив. С каким бы отвлеченным вопросом не прийти к нему (или по личному делу), тотчас весь насторожится, взволнуется сочувственно, все поймет с полуслова, готов долго “делиться мыслями”. Словно случайный гость – самый близкий ему человек» [7].

В круг общения Руманова входили государственные чиновники, аристократы, банкиры, юристы, философы, писатели, поэты, художники, актеры, музыканты и, конечно, журналисты.

Ему посвящали свои литературные произведения С.К. Маковский, З.Н. Гиппиус, Н.А. Тэффи, Вл. Пяст, Н.А. Оцуп, И.В. Одоевцева, А.С. Гингер, А.С. Присманова, Ю.Б. Софиев, другие писатели и поэты Серебряного века и Русского Зарубежья. В его библиотеке было множество книг с дарственными надписями авторов – М. Горького, Л.Н. Андреева, А.И. Куприна, Н.А. Морозова, Ю.И. Гессена, Т.Л. Щепкиной-Куперник, Н.К. Рериха, А.А. Блока, М.А. Кузмина, М.А. Волошина, С.М. Городецкого...

Портреты Руманова в разные годы писали и рисовали художники Н.Н. Гиппиус, З.Е. Серебрякова, Бенн и бывший морской офицер, литератор А.В. Гефтер; карикатуристы В.Н. Денисов (Дени) и М.С. Линский шаржировали его.

В наше время имя Руманова можно встретить в таких изданиях, как труды, посвященные издательскому предприятию И.Д. Сытина [8], в исследованиях историков России [9] и историков литературы [10], в письмах [11], дневниках [12] и воспоминаниях [13] современников.

Наиболее беспристрастно имя Руманова упоминается в каталогах музейных собраний. Дело в том, что в 1910-е гг. он считался одним из наиболее заметных петербургских коллекционеров художественных произведений. Румановское собрание, включавшее коллекции русского и зарубежного изобразительного искусства, портретной миниатюры немецких художников XVIII в. и старинной нумизматики, имеющей «археологическую ценность», насчитывало сотни экспонатов. Достаточно сказать, что национализированные после эмиграции владельца произведения разошлись по 25 выявленным на сегодняшний день музеям бывшего СССР [14]. Порядка 150 произведений хранится в Санкт-Петербурге, в Государственном Русском музее [15]. Среди них – знаменитый «Портрет Анны Ахматовой» Н.И. Альтмана, «Гамлет и Офелия» М.А. Врубеля, картины Н.К. Рериха [16]. На базе собственных фондов Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля летом 2001 г. устроил выставку из произведений, принадлежавших Руманову, посвятив ее памяти собирателя [17].

переставали замечать и не самый лучший его русский язык, и пересыпанную иностранными терминами речь.

Руманову, к сожалению, не довелось слушать будоражившего умы молодежи профессора-монархиста Н.М. Коркунова (1853-1904), но экзамены сдавал по его трудам. Коркуновские «Лекции по общей теории права» (3-е изд. СПб, 1894) неизменно рекомендовал в качестве основного учебного пособия профессор Петражицкий, а двухтомник «Русское государственное право» (СПб, 1892-1893) – приват-доцент Л.П. Дымша.

На первых курсах юридического факультета преподавались в основном исторические и отчасти философские дисциплины. Предмет «История полицейского права» читал профессор С.В. Ведров, «Историю римского права» – «скучный» профессор В.В. Ефимов, «Догму римского права» – Д.Д. Гримм, «Политическую экономию» – Георгиевский. Познания в гуманитарных науках «дисциплинировали» мышление студентов, расширяли их кругозор, знакомили с разными философскими системами. Сторонники одних и противники других появлялись среди студентов. Между ними возникали споры, дискуссии, обмен мнениями.

Студентов все более привлекало и самообразование. У желающих находилось время «заглянуть» на другие факультеты, послушать интересующие лекции. Особенно привлекал профессор А.И. Введенский (1850-1925), читавший курс истории философии на историко-филологическом факультете. Так университет постепенно расширял границы «юридического пространства». Конечно же, студенты находили время и для личной жизни, для посещения музеев, театров, концертов. Начиная с третьего курса, все чаще они пропускали занятия, правда, в основном после негласной договоренности со следившими за посещаемостью «педелями».

Среди сокурсников Руманова были выходцы из разных семей. Сам он был сыном скромного часовщика. Учились же с ним и сын профессора Лесного института, будущий художник Анатолий Кайгородов, и сын петербургского купца Григорий Ландау, и сын вологодского потомственного дворянина Алексей Власьев (который, как и Руманов, предпочел медицине юриспруденцию). С Румановым учились также золотой медалист Царскосельской Николаевской гимназии выпуска 1898 г. Александр Лазаревский, барон Николай Рауш фон Траубенберг, Виктор Бурцев, который перевелся из Московского университета в связи с тем, что Тамбовская гимназия постановила рекомендовать его Петербургскому университету для назначения оказавшейся вакантной стипендии. Самым же знаменитым сокурсником Руманова до перехода на историко-филологический факультет в 1901 г. был поэт Александр Блок. Но близко сошлись они только спустя десятилетие.

Разумеется, в университетской среде общались между собой не только сокурсники. Со многими из них судьба сведет Руманова уже после университета – на родине и в эмиграции. Это поступившие в университет в 1897 г. Сергей Маковский, Иван Ореус (поэт Иван Коневский), Андрей Римский-Корсаков, Александр Гальперн, Николай Абаза; поступившие в 1899 г. – Александр Керенский, граф Иван Толстой, Василий Милиотти, Владимир Миклашевский, Дмитрий Магула, Иван Лосский, Леонид и Рафаил Семеновы-Тяньшанские.

Внук известного географа и коллекционера художественных произведений, поэт Леонид Семенов-Тяньшанский стал ближайшим другом Руманова и в университетский, и в последующий периоды жизни. Поступивший годом позже на естественное отделение физико-математического факультета, через пару лет он перевелся на историко-филологический, где стал членом студенческого литературного кружка, руководимого приват-доцентом Б.В. Никольским. Семенов-Тяньшанский и Руманов слушали лекции ученых-филологов, в университете и за его пределами посещали литературные и философские кружки. Собирались у поэта Федора Сологуба, на религиозно-философских собраниях Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, в литературно-художественном кружке философа-мистика Якова Эрлиха. Рано ушедший из жизни талантливый музыкант Эрлих был дядей другого близкого друга Руманова – будущего драматурга и беллетриста Осипа Дымова, в те годы студента Лесного института.

Университетская среда и дружба с поэтами, литераторами, философами в значительной мере предопределили дальнейший выбор Румановым жизненного пути: после окончания юридического факультета он стал журналистом. Не порывая с юриспруденцией, с 1907 г. являясь помощником присяжного поверенного Г.А. Гольберга, он неизменно указывал свою профессию: «литератор».

Таким образом, при всей добросовестности отношения к учебе, склонный к философскому осмыслению жизни, увлеченный поэзией и художественной литературой, общительный и контактный Руманов жил

Союза во Франции Александр Богомолов, с которым у Руманова сложились доверительные отношения. На волновавший его вопрос: куда лучше ехать – в СССР или в Палестину? – Богомолов безмолвно ответил: скорее в Палестину.

Лишившись работы, Руманов вместе с семьей едва сводил концы с концами. Выжить помогали заграничные родственники, американский литературный фонд, старые друзья, сохранившие свои капиталы. Однако, по словам сына, отца все меньше интересовала мирская суета. «Все, что было связано с ней, казалось ему поверхностным. Теперь он всецело отдавался духовности, уделяя главное внимание голосу своего сердца» [50]. Из «блистательного» и преуспевающего человека он превратился в старика, который все более походил на мудреца. Вместе с тем, он неизменно читал литературные произведения старых и молодых своих друзей, которые, как и прежде, приходили к нему за советом.

В конце 1940-х и в 1950-е гг. квартира Румановых стала «культурным центром» русских парижан. Там бывали «поэты, музыканты, художники, философы. По воскресеньям собиралось по 40-50 человек», – вспоминал сын Руманова Даниил Аркадьевич [51]. Основную часть гостей составляли члены Объединения русских писателей во Франции. Один из них, давний друг, царскосел и петербургский универсант, поэт Николай Оцуп в день восьмидесятилетия Руманова посвятил юбиляру сонет, напомнивший ему о далекой молодости:

Аркадий Веняминович Руманов,
Хоть Вам сегодня восемьдесят лет,
Вы, как всегда, мечтатель и поэт...
Как мой ушедший сверстник Жорж Иванов.

Для Вас я – мальчик (Коля). В мгле газет
Вас Блок заметил, невских царь туманов,
Граф Витте Вас ценил, и с нами канув
В парижский омут, умница-эстет,

Все качества свои Вы сохранили.
Всегда умно и никогда не зло
Все сразу понимая без усилий,

Вы, тоже царскосел, мне говорили:
– Еще России солнце не зашло,
“Отечество нам - Царское Село”[52].

Умер Аркадий Вениаминович Руманов 15 октября 1960 г. в Париже, «далеко от русской родины», которой «оставался неизменно верен» [53].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выражение Кирилла Померанцева. См.: *Померанцев К.* Сквозь смерть. Воспоминания. Overseas Publication Intercchange Ltd. [1996]. С. 123.
2. 80-летие А.В. Руманова // Русская мысль. 1958. 4 декабря.
3. *Маковский С.* К восьмидесятилетию журналиста // Русская мысль. 1958. 4 декабря.
4. Выражение Г.К. Лукомского в его дарственной надписи А.В. Руманову от 21 января 1909 г. на обороте произведения Лукомского «Внутренность Шартрского собора», до революции принадлежавшего Руманову. С 1931 г. акварель хранится в собрании Дальневосточного художественного музея, Хабаровск.
5. *Ремизов А.М.* Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 59.
6. Выражение протоиерея Д. Соболева в его письме А.В. Руманову от 9 декабря 1958 г. Архив Д.А. Руманова, Париж.
7. *Маковский С.* К восьмидесятилетию журналиста.
8. Основные монографии: *Диннерштейн Е.А.* И.Д. Сытин. М., 1983; *Рууд Ч.* Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1993.
9. Например, в кн.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте – мемуарист. СПб, 1994; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб, 1999.
10. В первую очередь, блоковедов (*Орлов Вл.* Гамаюн. Л., 1978, *Турков А.* Александр Блок. М., 1969 и др.). Об их трактовке личности А.В. Руманова – в статье *Е.П. Яковлевой* «Блок и А.В. Руманов» в сб.: Труды